Авдеенко И. А.
I. A. Avdeenko

КЛЮЧЕВЫЕ ОБРАЗЫ ПОЭЗИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

KEY IMAGES IN THE POETRY OF THE FAR EAST

Авдеенко Иван Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17. E-mail: iavdeenko@mail.ru.

Mr. Ivan A. Avdeenko – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature Studies of the Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 17 Kirov str. E-mail: iavdeenko@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые образы-символы поэзии Дальнего Востока: лес, тайга, город. В результате анализа поэтических подборок журнала «Дальний Восток» за 2013–2017 гг. выявлено противопоставление ключевых образов леса (тайги) и города. Хотя и лес, и город понимаются как близкие человеку, символика леса связана преимущественно с жизнью, природой, а города – со смертью, цивилизацией.

Summary. The article deals with the key images-symbols of the poetry of the Far East: forest, taiga, city. As a result of the analysis of poetic collections of the magazine «Дальний Восток» for 2013–2017, the opposition of key images of the forest (taiga) and the city was revealed. Although the forest and the city are understood as close to man, the symbolism of the forest is mainly associated with life, nature, and the city – with death, civilization.

Ключевые слова: поэзия Дальнего Востока, ключевой образ, символ, лес, тайга, город.

Key words: poetry of the Far East, the key image, symbol, forest, taiga, city.

УДК 81; 82

Работа выполнена в рамках гранта Правительства Хабаровского края на реализацию проектов в области гуманитарных и общественных наук по теме «Ключевые символы дальневосточной поэзии как основа для эффективной социальной коммуникации»

Актуальность анализа ключевых образов поэзии Дальнего Востока определяется тем, что поэты своим творчеством выражают представления дальневосточников о крае, регионе, малой родине. Эти представления остаются на периферии социальной коммуникации, их содержание игнорируется ведущими социальными коммуникаторами, что приводит к формированию концептуального коммуникативного барьера: официозные штампы не воспринимаются жителями региона как изначально чужеродные. Целью работы, представленной в данной статье, является описание содержания основных ключевых образов-символов поэзии Дальнего Востока: леса, тайги, города. Следует отметить, что названный состав ключевых образов поэзии Дальнего Востока не является исчерпывающим и ограничен допустимым объемом публикации.

Центральным для дальневосточной поэзии образом-символом является лес, поскольку он встречается практически во всех подборках стихов журнала за пятилетний период [1].

Символ леса ассоциируется с множеством других ключевых образов Дальнего Востока. Например: «Я живу на окраине большой империи, / В нескольких километрах от моря, / В таёжной деревушке, / Запертой Высокими лесистыми хребтами. <...> И если идти точно на юг целый день, через сопки, / На груди которых дремлют тучи, / По заросшим таёжным тропинкам, то к вечеру / Можно прийти к морю (Марина Савченко «Приморье»). В данном примере символ леса, выраженный в производной номинации «лесистый», ассоциируется с морем, тайгой, деревней, хребтами, сопками, тропинками, тучами, образно представляющими пространство Дальнего

Востока – «окраины большой империи».

Ещё один пример: «Ни капли на душу, зато уж по рубашам – и *реки в радугах*, и в оханьках *леса*, и *горы* в ушах, и *поляны* в ахах... (Анатолий Кобенков «...*Ни* капли в рот, зато уж по усам...»)). В этом примере символ леса ассоциируется с реками, радугами, горами, полянами как ключевыми образами дальневосточной природы.

Символ леса ассоциируется со снами, тайнами, сказками, преданиями: «Запахи трав лесных здесь *навевают сны*» (Илья Штуца «Деревянные песни»); «В тени *таинственных лесов*» (Марина Савченко «В тени таинственных лесов...»); «Я задобрю духов леса, / Духов неба и воды» (Мария Дечули «Обряд кормленья духов»); «Снег слежался будто войлок. Лес таинственен и светел (Ефим Гаммер «Сибирские реалии»); «Жар-птица воспарит, о детстве запоёт, / Кикимора всплакнёт, завоюют водяные, / Царевичи, цари, волшебницы лесные – / Все сказки на земле затеют хоровод! / Польётся пир горой, день ото дня вкусней» (Олег Сешко «Из детства в далеко...»); «Смотрят звери лесные на нас исподлобья, / Словно думая: были же божьи подобья, / Жили-были, любили, трудясь и надеясь, / Помним, были же люди! Куда они делись?» (Роальд Добровенский «Забастовка соловьёв»); «Курчавые, как вавилонские боги, они над землёю парили, / Над лесом, где красные сосны стояли, как будто полки ассирийцев у стен Вавилона» (Александр Куликов «Рэндзю на тему стихов Роберта Блая»); «Нам тьмою глухих и таинственных чащ / Совиная зоркость дана. / Тальник нам набросит невидимый плащ / И когти наточит сосна» (Андрей Бережнов «Амурский тигр»); «Треугольники тёмные елей, / Как печати темнеют вокруг, / В светлый лес их поставить успели / Канцелярии вечных наук» (Клавдия Матухина «Зелёное и голубое»); «Есть шкафы для скелетов, для чашек и для белья, / Где-то прячут любовников, где-то волшебный лес» (Ольга Олоу «Минус тридцать два»).

При этом символ леса связан с коммуникацией, разговором, передачей информации: «Здесь лес стеной – прибежище / Для обитателей таёжных. / Услышать можешь их многоголосье. / В нём речки говорливое ворчанье. / И вздох листов, и шелест тайный, / И запахов аккорд, птиц ликование, / И трав особое звучанье...» (Марина Савченко «Сихотэ-Алинь»); «В тени таинственных лесов, / В сени дерев, густой дубравы / Могучий шелест слышу справа, / А слева – эхо ваших слов» (Марина Савченко «В тени таинственных лесов...»); «Всё почему-то чаще подковкою звенит – и лес, и море; / И что ни молвится, всё выкликает горе, / И что ни скажется, отталкивает счастье...» (Анатолий Кобенков «...То дождику кивнув, то солнышку кивая...»); «Мы ехали, и всё окрест / готовилось к исходу света / И лес на сопке был оркестр, игравший шабаш из «Макбета» (Александр Куликов «Катрены на приход тайфуна Болавен»); «Шагни в лесок на перекур – / Заговорят с тобою листья» (Сергей Шубин «Лес»).

Семантика тайны и коммуникации связана в символическом значении леса с поэзией, словесным творчеством: «Хотя мишуток братия строга. / В таёжный мир – стихию Комарова – / Царапается лирики строка» (Петр Эхов «По следу Комарова»); «Я думала: жизнь – пенная ключа лесного песнь!» (Мария Дечули «Бабочка»); «В пляс пустилась луна, / задирая цыганский подол, / и весь лес загляделся / на голое лунное тело – / Нет, не зря прогремел / соловьиный весёлый глагол! <...> Мы с тобою оценим / цинизм оголённых полян, / Комариные жалобы – / музыку царства лесного, / золотое наследство / древлян и полян, / скатный жемчуг / славянского слова» (Марк Богославский «Соловьиная ночь и утро сенокоса»); «Но сколько осилишь ведь, столько и пишешь пьес, / ищи свою сказку, их всяких здесь – завались. / А волк всё глядит и глядит в свой далёкий лес» (Лада Пузыревская «Тёмный лес»); «А стихи? Стихи – на ветер. Снег слежался будто войлок. Лес таинственен и светел» (Ефим Гаммер «Сибирские реалии»); «А лес, / пустой осенний лес, / так чуток к шороху и плачу, / что слово, обретая вес, больше бьёт... / но боль я спрячу» (Иван Шепета «Устал, озяб...»); «И, вспомнив об этом, Блаи вспомнил стихи о тропинках, которые в жёлтом осеннем лесу расходились» (Александр Куликов «Рэндзю на тему стихов Роберта Блая»);

С поэтическим аспектом символики леса связано понимание его символической природы: «Безвестность – это тихое стремление / Приблизиться к познанию небес, / Такое написать стихотворенье, / Какое оценил бы синий лес» (Александр Балтин «Безвестность и бесславье...»); «Они

ушли в геральдику, как в лес, и на монетах повернулись в профиль» (Майя Шварцман «В стране единогого...»).

Лес символически противопоставлен цивилизации, городу. Отсюда мотив бегства: «И стучало в виски: / Не могу! Не хочу быть покорным! / Он к рябинам в тот лес. / Он отчаянно хлопал калиткой. / Но слепил его блеск высочайшей, всемирной политики» (Марк Богославский «Поэт и царь»); «От порога в лес уводят ноги» (Иван Шепета «У моря я лечь хочу...»); «Опротивело всё: торжества, надувание щек, / незаметный раскрой вертикалей по новым отвесам / да примерки величья, которое каждый берёт / для себя... Я сказал: покурить, и ушёл себе лесом» (Майя Шварцман «Ворошить ни к чему...»); «Пока возвращались, все только и говорили о выходке странной Гомера, который, когда все грузились в машины, вдруг взял и пошёл по тропинке в лесную чащобу» (Александр Куликов «Рэндзю на тему стихов Роберта Блая»); «Накрытый ноябрём, сырым и бурным, болеет, чахнет лес. <...> Запуган весь могучею заразой охотничий отряд. / Домой – к пилюлям, одеялам, газу – / небритые младенцы семят... / А город спит на каменной постели. <...> Не корчиться за кованой оградкой, а умирать, как Лес...» (Дарья Уланова «Перед зимой»); «В раннем детстве читали мы «Так говорил Заратустра» и бежали в леса, чтобы было о чём вспоминать (Игорь Муханов «Нарисуй, Хокусай, херувима российских распутий»); «Не пиши, пожалуйста, не маши, / я следы запутываю, и в лес» (Любовь Колесник «Я мешаю золото с серебром...»); «Внутри волшебной жизни не спрячешься навеки, / И надо уходить, как зверю в тёмный лес» (Дмитрий Овчаренко «На ледяном огне»).

Лес символизирует избавление, исцеление от болезней, бескорыстную помощь, прозрение: «Я столько лесов насадил, / Что стало теплей и спокойней» (Евгений Лебков «Сосновая сопка»); «Нам снились радужные дали / Без боли, пепла, – без войны. / И не могли мы наглядеться / На сень лесов, / На ширь полей» (Евгений Кохан «Концлагерное детство»); «О, солнце, дай и мне займы! / За подписью лесной букашки / Со счёта своего сними» (Игорь Муханов «Мой бизнес»); «Она говорит: я выращу для него лес. / А он говорит: зачем тебе этот волк?...» (Лада Пузыревская «Тёмный лес»); «Похожим став на этот лес – седым, / где в полдень снег на чёрных ветках тает, / я человеком стал – немолодым, / и мне не нот, а пауз не хватает» (Иван Шепета «Вверх по распадку неба свод белёс...»); «Не смотри, не смотри, а иди / в тёмный час, в заколдованный лес, / ведь едва остановимся мы, и под куполом здешних небес / не отыщут ни света, ни тьмы» (Сергей Попов «Апельсиновым лисьим огнём...»).

Ценность возможности бегства от цивилизации в лес и возможность исцеления определяются тем, что человек отождествляется с лесом, а лес – с человеком: «Внутри себя спокойнее. Там лес. / И попугая розовые перья, и поцелуй в 2007-м / (какая малость, а хотелось плакать)» (Евгения Баранова «Спокойнее»). Это тождество подкрепляется регулярными олицетворениями: «Мне только бы видеть бездонное небо, / Рассвет и с туманом флиртующий лес» (Виктор Хатеновский «С утра расцвела придорожная ива...»); «Дышит лес туманом влажным» (Виктор Брюховецкий «Грузди белые, как блюдца...»).

Однако бегство в пространство леса связано с непонятностью происходящего, мучением: «И мука мучает меня. / Брожу по лесу до рассвета, / Тону в тумане золотом. / Но всё, что есть, уже не это, / И всё, что помнится, не то» (Михаил Анащенко «Ещё раз про волков»); «И всё теряло смысл и вес, выламывалось из теней и рамок. / Как будто шёл Бирнамский лес войной на Дунсианский замок (Александр Куликов «Катрены на приход тайфуна Болавен»); «Вызрел кабак забродившими лицами, / Как заплутавшие дети в лесу, / Пальцы бродили у пианиста (Кирилл Алейников «В рубище рифм»); «Я видел, как паряще вылетал он, / Зеленокрылый лиственничный лес. / И нет стволов, и нет корней державных <...> И всё летит, летит, не улета, / зеленокрылый лиственничный лес» (Евгений Лебков «Летящий лес»); «Но растёт-золотится / Мой лесок молодой. / И шумит-веселится, / И парит над землей (Евгений Лебков «Молодой Бор»); «Я обожаю росные поля и уважаю грозные леса...» (Диана Кан «Там, где вставали в полный рост хлеба...»); «Что за далью синего леса / ждёт меня?...» (Антонина Спиридонова «Вечерами зимними...»); «И до меня ужасались / Стонущей бездне небес, / И до меня погружались / В неувядаемый лес» (Марина Комар «Парижская нота»).

Эта непонятность леса ведёт к ощущению его отсутствия, призрачности: «Где ж вы, где ж вы, леса медвежьи / Над плескучей от рыб рекой? / А лесов уже нет в помине (Алексей Крестинин «В зоопарке такому зверю...»); «Этот мир – тот же лес, / обнесённый колючей железкой, / с пылесосом у входа и с бубном шамана в кустах, / где на ветке сухой всенародный сидит Достоевский, / ну а Гоголь смешит, / наступая на собственный прах (Игорь Муханов «Нарисуй, Хokusай, херувима российских распутий»); «Дробный пригород дремлет лицом к стене / леса, вросшего в окаменевший ил» (Сергей Попов «Дробный пригород дремлет лицом к стене леса...»).

Лес символизирует не только добровольный, но и насильственный уход от действительности: «И кто придёт на выручку, когда готовит Родина / Одним под сердцем дырочку для пули и для ордена, / Другим – лесные просеки, тюремные свидания, / А рыжему Иосику – особое задание...» (Игорь Царев «Бродскому»); «Вижу, человек несёт свой крест, / Крытый золотом обжигающим, / Освещающий каждый чёрный лес / Да ослепляющий <...> Вижу, человек несёт свой крест, / А на кресте – человек. / Битый убитого везёт через дикий лес, / Через строй калек» (Сергей Денисенко «Пролог»).

Соответственно, лес может отторгать человека: «Вздулись жилы под корой деревьев – / тяжёлы рогатины ветвей. / Звёзды метят прямо в подреберье / Лезвиями кованых лучей. / Лес застыл, косматый и злоеший, / Разразившись гулкой тишиной (Кирилл Алейников «Небесная охота»).

Аналогичное лесу символическое значение приобретает в дальневосточной поэзии тайга. Например: «И, просторы осилив, над тайгой расстилало загадочный дым. / Эх, сойти б с эшелона на маленькой станции и туда б, в эту синь, без путей и дорог!» (Александр Дракохруст «Синие сопки»); «Когда по стенам силикатным / Стекают мутные дожди, / О, как нам хочется обратно / В тайгу привольную уйти!» (Сергей Сутулов-Катеринич «Интермедия вторая. Финал»). В приведённых примерах с символом тайги ассоциируется желание уйти от цивилизации. Но этот уход так же, как и в случае с лесом, соединён с опасностью неприятия: «А позже, раздув дымокур и глотая «Столичную», / Себя материли на кратком привале в логу: / Какого, мол, чёрта попёрлись из быта привычного / В заплывшую эту, в недобрую эту тайгу?» (Александр Дракохруст «Я всё это помню»); «Я – тигрица из пади кедровой <...> Так померимся силой на сцене здесь, в тайге, где призов не дают» (Мария Дечули «Я – тигрица из пади кедровой...»); «Ты обходишь меня стороною. <...> Дрожь по телу, ухватки – кошачьи. / Здесь, в тайге, тесновато вдвоём» (Мария Дечули «Ты обходишь меня стороною...»).

В следующих примерах актуализируется семантика коммуникативной наполненности: «Шёл состав, монотонно качаясь, / прошивая дождливую тьму, / и гудки над тайгой звучали, / как призыв неизвестно к кому (Юрий Ковалев «Гроза над Сибирью»); «Как будто били здесь чечётку бойко, / И пели про смолистую тайгу (Клавдия Матухина «Накануне»).

В следующих двух примерах тайга наделяется целительной силой: «Понесу по тайге королевой – / Принимайте хозяйку, зверьё! / <...> Ну, откликнись же, эхо моё! / Привезу из любого далёка, / От любого греха отмолю, / Жизнесью кедрового сока / От болезни любой исцелю» (Владимир Квашнин «Таёжная»). Эта целительная сила распространяется тайгой и на город: «Тайга – она из года в год шлёт в город / Цветы и травы от своих щедрот» (Лада Магистрова «Час пик»).

Однако при наличии сходного с лесом олицетворения тайга представляется в образах людей (шаманки, матушки): «По тропам шаманки-тайги / Посланец не нашего мира идёт, / не надев сапоги» (Мария Дечули «Инопланетянин»); «И над спасённой матушкой-тайгой / Полночный сыч светло заголосил» (Евгений Лебков «Встречный пал»).

Противопоставлен лесу и тайге образ-символ города. Следует отметить, что дальневосточные поэты упоминают в своих произведениях различные города, однако их объединяют общие свойства, характеризующие символическую семантику города.

В подавляющем большинстве случаев (и это противопоставляет город лесу) город понимается как агрессивная, враждебная, не предназначенная для жизни среда: «А город всё хрипит в автоудавке» (Михаил Асламов «Облака – как бинты неумелые...»); «Наш город утонул в пыли»

(Галина Горбатенко «Смотрю на небо – самолёты»); «Отравлен город сворой негодяев» (Виктор Хатеновский «Стучится ночь в оконное стекло...»); «В городе выживают / Всеядные. / Мрак фирменных камер / Пыхает из упаковок...» (Петр Эхов «Азбука древняя – трескать Юколу...»); «Проклятье города большого» (Иван Шепето «Проклятье города большого»); «Город общажный, в себе обособленный, / Пёс подгаражный породы озлобленной» (Олег Сешко «Венчиком тучи...»); «В этом городе сдавленный воздух глотают кусками. / Здесь собачий мороз» (Дарья Уланова «Собачье»); «Какой задавлены усталостью / Больные эти города!» (Сергей Сутулов – Катеринич «Интермедия вторая. Финал»).

Специфическим фактором враждебности является зима, регулярно сопровождающая в дальневосточной поэзии упоминание города: «Будет город обнажённый / В глубине снегов тонуть» (Марина Самаркина «Просто жизнь...»); «А город замело по всем законам жанра» (Марина Самаркина «Сосульки в феврале неистово рыдали...»); «И стал декабрь над городом» (Лада Пузыревская «Обнять и плакать»); «Заснеженный город устало / Готовится спать» (Вадим Воеводин «Заснеженный город...»).

Семантика враждебности, агрессивности связана со стремлением выйти за его пределы (как было указано выше, основным направлением выхода является лес): «Из города опять уходит поезд, / Они здесь никогда не остаются» (Лада Пузыревская «Молчать по-русски»); «Каждый раз уходит из города, / память которого – щелочь, / разевшая горло и спину» (Дарья Ярош «Каждый раз уходит из города...»). При этом возможность выхода за пределы города обеспечивается его непосредственным соседством с лесом, тайгой, рекой: «Тайга – она из года в год шлёт в город / Цветы и травы от своих щедрот <...> И на полянах тех играют дети, / воображая, что они в лесу» (Лада Магистрова «Час пик»); «Мой рассветный город зелёными протоками бульваров течёт к реке <...> Река добра! Она весь город поит и кормит рыбой» (Лада Магистрова «Час пик»); «А на западе, вдоль по берегу – огоньки во тьме, полотно полей, город-запонка в рукаве реки» (Майя Шварцман «Пристегнув ремни...»).

Вместе с тем город понимается как нечто родное, близкое человеку: «Привычно замедляет ритмы дня мой город – / точка малая на глобусе, моя судьба, Вселенная моя» (Лада Магистрова «Час пик»); «Я вышел из дома, и город во мгле / Был самым родным для меня на Земле» (Михаил Мезрин «Ночной город»); «Это город мне дарит последний шанс / К тем вернуться, кого люблю» (Андрей Земсков «Портовый шум»). Эта близость проявляется в олицетворениях, подчеркивающих общность человека и города: «Приморский город на ветру знобило» (Валерий Скобло «Всё снился город...»); «А город спит на каменной постели» (Дарья Уланова «Перед зимой»); «А город поймёт и простит» (Татьяна Шепелева «Эпистолярное»).

Общность человека и города соотносится с представлениями об идеальном городе: «Я вновь отстрою города, / Восстановлю дома и улицы / И заселю их только добрыми / И только честными людьми» (Елена Соснина «Утопическая мечта»); «Тихо шуршит сонный город там за стеной, / Где все печали оставлены и позабыты!» (Светлана Камушкова «Осенние лисы...»); «Мой невидимый город спит над верхушками фонарей. / Я мечтаю всерьёз вернуться туда поскорей» (Илья Штуца «Мой невидимый город»).

Сопряжение семантики враждебности, отторжения и общности, сходства, идеализации приводит к представлению о совмещении в понимании сущности города противоположностей: «Мой город – он прожжён, прокурен, пропит <...> / Мой город – он прославлен очень зло строкой стихов и непечатным словом <...> Столичные мужи в речах своих / Его не раз изящно костерили. / Но этот город знает больше них; он много лучше, чем о нём твердили и продолжают... <...> В суровости своей он очень прост <...> Возводит храм, чтоб быть поближе к людям. / Он любит нас, он нами дорожит, / Он – как ребёнок. Обижать не будем?» (Татьяна Дудникова «О городе»); «Мы вышли из города, полного смутной печали и ясных надежд» (Лада Пузыревская «Брат»); «Проболтавшись в городе большом <...> Что тут скажешь, тело-то согрето, / Только вечно холодно душе» (Светлана Супрунова «Преет сено в скирдах залежалых...»). При этом выделяется противоречие коммуникативной, текстовой природы города и глухоты/немоты. С одной стороны: «Рассветный город кажется мне книгой <...> Читаю город...» (Лада Магистрова «Час пик»); «Ветром-книгочеём

до дыр зачитан города талмуд» (Олег Горшков «Мальчик Мотл»); «Любовь разрасталась и <...> хлынула в город горячкой стиха» (Майя Шварцман «Приятно туристом бродить наугад...»); с другой стороны: «Мне ходить бы по городу с бубном, / На чужую гадать судьбу, / Только, видишь ли, в месте людном / Я и слова сказать не могу...» (Ирина Манина «Мне ходить бы по городу с бубном...»); «Жил в городском захолустье один неизвестный поэт. / Искал он в словесном искусстве на вечные темы ответ. / Собравши наличные деньги, он сборник сонетов издал. / Но все были заняты делом, а книжек никто не читал» (Владимир Губин «На вечную тему»); «Весь уснувший город – комната твоя... / Тему для беседы мы не ждём, не ищем: / Тема для молчанья может быть своя» (Елена Литвинова «Ночное чаепитие»).

Таким образом, ассоциирующийся с множеством других образов-символов Дальнего Востока лес связывается со снами, тайнами, сказками, преданиями и, соответственно, коммуникацией, разговором, что в совокупности актуализирует связь леса с поэзией, словесным творчеством. Символизируя избавление, исцеление, бескорыстную помощь, прозрение, лес побуждает человека к бегству из города, которое сопровождается непониманием и отторжением. Аналогичное символическое значение имеет в дальневосточной поэзии тайга. Город понимается в большинстве случаев как агрессивная, враждебная для жизни среда, побуждающая к выходу из неё. Эта возможность обусловлена непосредственным соседством города с лесом, тайгой, рекой. Как лес, так и город понимается как нечто родное, близкое человеку; человек отождествляется как с тем, так и с другим, однако семантические доминанты этих ключевых образов-символов различны: если доминанта леса – жизнь, то доминанта города – смерть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дальний Восток: литературно-художественный журнал. Хабаровск, 2013–2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litjournal.dv.ru/index.php/archive>.